

АВДЕЕВ Александр Григорьевич

**ПАМЯТНИКИ ЛАПИДАРНОЙ ЭПИГРАФИКИ
КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ**

**Автореферат диссертации
на соискание учёной степени
доктора исторических наук
по специальности**

07.00.09

**(историография, источниковедение и
методы исторических исследований)**

Москва, 2018

Диссертация выполнена на кафедре истории России Исторического факультета образовательного частного учреждения высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет» (ПСТГУ)

Официальные оппоненты:

ГИППИУС Алексей Алексеевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), школа филологии, старший научный сотрудник

МЕДЫНЦЕВА Альбина Александровна — доктор исторических наук, Федеральное бюджетное учреждение науки «Институт археологии РАН», Отдел средневековой археологии, ведущий научный сотрудник, профессор

СТОЛЯРОВА Любовь Викторовна — доктор исторических наук, Федеральное бюджетное учреждение науки «Институт всеобщей истории РАН», Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире», главный научный сотрудник

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 15 февраля 2019 года на заседании диссертационного совета, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) по адресу: 125993, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125993, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д. 6 и на сайте РГГУ

<http://dissovet.rggu.ru/section.html?id=12626>

Автореферат разослан « _____ » 201 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета

Барышева Елена Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия внимание исследователей к истории и культуре Московской Руси растёт постоянно (монографии Н.С. Борисова, И.Л. Бусевой-Давыдовой, Б.М. Клосса, П.В. Лукина, Г.М. Прохорова, Л.И. Сазоновой, А.С. Усачёва, Л.И. Чёрной, А.Л. Юрганова и др.). Тем не менее, удельный вес памятников лапидарной (от лат. *lapis* — камень) эпиграфики этой эпохи, несмотря на их массовость, в исследованиях, посвящённых истории и культуре Московской Руси, невелик. Надписи этой эпохи редко используются в исследованиях по истории Руси и русской религиозной культуры XVI–XVII вв.: предпочтение отдаётся традиционным памятникам книжности — синодикам, житиям святых, Домострою, актовым материалам и др. (монографии И.В. Дергачёвой, Е.Б. Грузновой, Л.П. Найдёновой, Н.Л. Пушкарёвой, Л.Б. Сукиной и др.). Наиболее успешно эпиграфические памятники конца XV — начала второй трети XVIII в. изучаются как археологический источник, материал по истории русского некрополя и погребальной обрядности, а также как источник по истории мемориальной культуры. Известным исключением остаются стихотворные эпитафии конца XVII — начала XVIII в., но предпочтение здесь отдаётся не реальным надписям, а их рукописным спискам или публикациям.

Тема диссертационного исследования — «Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси» — слабо отражена в отечественной и зарубежной историографии, и актуальность исследования надписей Московской Руси, таким образом, состоит, во-первых, в необходимости оценки их источникового потенциала, во-вторых, в определении места надписей среди источников, привлекаемых к изучению истории и культуры этой эпохи. Результаты исследований памятников эпиграфики автором диссертации показывают, что они в совокупности с археологическими и традиционными письменными источниками, будучи объектами ком-

плексного историко-археологического и филологического анализа, имеют важное значение при решении ряда фундаментальных проблем истории и культуры Московской Руси.

Цель исследования заключается в определении источниковедческой значимости различных типов лапидарных надписей Московской Руси и их значения для изучения истории и культуры Руси последней четверти XV — начала второй трети XVIII в.

В проистекающие из этого **задачи исследования** входят: 1. выявление качественных отличий эпиграфических памятников Московской Руси от надписей предшествующего времени; 2. создание методологически обоснованных принципов разработки их типологии, приёмов и методов исследования; 3. выработка единых правил публикации, соответствующих мировым эдиционным стандартам на базе современных компьютерных технологий; 4. определение места и роли надписей в историко-культурном контексте изучаемой эпохи, их источниковедческой значимости и специфики отражения в них исторической действительности. Для решения этих задач привлечено около тысячи лапидарных надписей последней четверти XV — начала второй трети XVIII в., многие из которых были выявлены и опубликованы автором диссертации или впервые вводятся в научный оборот в данном исследовании.

Хронологические рамки исследования. Понятие «Московская Русь» как обозначение эпохи в развитии российской государственности и культуры объёмно. Историки используют его наряду с терминами «Московское государство / царство» и «Русское / Российское царство»¹. Для исследователей древнерусской культуры Московская Русь — это единство историко-культурного и эстетико-смыслового пространства, унаследованное от предыдущих периодов истории Руси², для лингвистов понятие «Московская Русь»

¹ Кром М.М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018; ср.: Шмидт С.О. «Московское государство» // Шмидт С. О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 70–104.

² См.: Прохоров Г.Н. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 6.

связано с начальным периодом складывания русского национального языка³. В полноте этих значений термин «Московская Русь» используется в данном исследовании.

Нижняя хронологическая граница исследования — последняя четверть XV в. — является временем перехода от собственно древнерусской эпиграфики к эпиграфике Московской Руси, связанного с появлением новых типов надписей — подписных надгробий и строительных надписей — и новых носителей информации — белокаменных плит. Верхняя хронологическая граница — начало второй трети XVIII в. — принадлежит эпохе, когда новые явления, отражающие европеизацию быта и культуры в ходе петровских реформ, ещё не вытеснили из надписей традиции Московской Руси. Надписи более позднего времени рассматриваются в той мере, в какой они сохраняют черты эпиграфики исследуемой эпохи.

Географические рамки исследования связаны с основным ареалом изготовления и распространения лапидарных эпиграфических памятников Руси последней четверти XV — начала второй трети XVIII в. — территориями субъектов Российской Федерации — Архангельской, Новгородской, Вологодской, Псковской, Тверской, Калужской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Смоленской областями, Республикой Татарстан, а также с Санкт-Петербургом и Москвой.

Предметом диссертационного исследования являются различные типы русских лапидарных надписей последней четверти XV — начала первой трети XVIII в. — эпитафии, строительные надписи, памятные плиты и др., — которые рассматриваются как единый комплекс источников, массовых по количеству и индивидуальных по содержанию, связанных с человеком, историей и культурой Московской Руси.

Объектом исследования является отражение истории и культуры в эпиграфических памятниках Московской Руси на разных этапах развития личности и общества.

³ См.: *Виноградов В.В.* История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 186–187.

Источниковая база определяется темой исследования. Основным источником являются памятники лапидарной эпиграфики Московской Руси. Их комплексное изучение проводится не изолированно, но с привлечением традиционных письменных источников, которые позволяют включить надписи в общий историко-культурный контекст эпохи. Важнейшее значение для понимания надписей этого времени имеют памятники книжности XV–XVII вв. — *жития святых, паломничества («хожения») к Святым местам, а также Домострой*. В ряде случаев привлекаются *летописи*, а также *записи на книгах и рукописях*. Особенно информативны документы государственных учреждений, в том числе акты налогового землеописания — *писцовые и переписные книги, монастырская документация — келарские обиходники, вкладные и кормовые книги*, а также частноправовые акты — *данные и духовные грамоты*. Необходимые дополнения имеются в *сочинениях иностранцев*, посетивших Россию в XVI–XVII вв., дающих представление о не отражённых в отечественных источниках эпизодах бытования эпиграфических памятников. Принципы исследования данных категорий источников успешно разрабатываются в отечественной науке с XIX в., но они редко привлекаются к изучению надписей Московской Руси. Важным источниковедческим приёмом, используемым в диссертации, является соотнесение эпиграфических памятников с богослужебной практикой, отражённой в старопечатных и рукописных *уставах, синодиках, требниках и минеях*, а также соотнесение с древнерусскими переводами святоотеческих творений.

Изучение надписей Московской Руси находится на стыке различных гуманитарных дисциплин, поэтому в исследовании большое внимание уделено результатам археологических раскопок и источникам, обычно находящимся вне поля зрения эпиграфистов. Это — памятники фольклора, а также гравюры и рисунки иностранцев 40–60-х гг. XVII в., пейзажные полотна русских живописцев конца XIX в. и фотографии, выполненные краеведами в первые десятилетия XX в.

Степень изученности материала отражает история становления и развития эпиграфики Московской Руси как науки.

У истоков русской эпиграфической науки стоит прп. Максим Грек (1470–1556), чья деятельность соединила ренессансную учёность и византийский интеллектуализм с древнерусской книжностью. Его трактат «О венце Спасове и о свитце, иже в руце его, и о Богородицыне имени», раскрывающий смысл греческих контрактур на иконах, стал первым сочинением на Руси, специально посвящённым вопросам, находившимся на стыке богословия и эпиграфики.

По степени значимости среди первых «исследований» надписей, появившихся в Московской Руси, можно выделить пять направлений — *прикладное, прогностическое, феноменологическое, антикварное и мемориальное*. Важнейшим итогом их развития стало рождение научного подхода к изучению древнерусских надписей, что с блеском продемонстрировали старообрядцы, которым для защиты своих убеждений приходилось самостоятельно разрабатывать вопросы источниковедения, кодикологии, палеографии и иных специальных исторических дисциплин. Однако эти открытия, в силу замкнутости и гонимости старообрядческих общин, остались «гениальными догадками», так и не востребованными профессиональной наукой.

Древнерусская эпиграфика как наука зарождается во второй половине XVIII в., когда российские учёные осознали значение отечественных древностей. Возникший в это время интерес к истории городов и необходимость расширения источниковой базы сделали предметом выявления и публикаций эпитафий конца XV–XVIII вв. Изучение памятников лапидарной эпиграфики Московской Руси фактически началось с «чистого листа». «Заполнять» его начал Г.-Ф. Миллер (1705–1783). Одним из первых к систематическому изданию памятников лапидарной эпиграфики Московской Руси приступил Н.И. Новиков (1744–1818). Однако практика их издания, сохранившаяся вплоть до начала XX в., не предусматривала комплексной публикации лапидарных надписей Московской Руси. Вне поля зрения исследователей оставались

важнейшие элементы описания — типология, размеры эпиграфических памятников, особенности палеографии и орнаментики. Надписи Московской Руси публиковались гражданским шрифтом, с заменой буквенной цифири арабскими цифрами и с исправлением орфографических «ошибок».

В первой половине XIX в. особое место в изучении «каменной летописи» Москвы занял один из «колумбов российских древностей» (термин В.П. Козлова), участник Румянцевского кружка А.Ф. Малиновский (1762–1841). Со второй половины столетия в изучение и публикацию надписей Московской Руси включились историки, палеографы, местные краеведы и духовенство, в основном остававшиеся в рамках эдиционной практики конца XVIII в. И, хотя наметилась тенденция к выделению древнейших русских надписей в отдельный раздел древнерусской эпиграфики, эпиграфика Московской Руси оставалась частным разделом палеографии.

Выделение эпиграфики Московской Руси в отдельную отрасль древнерусской эпиграфики наметили труды палеографа В.Н. Щепкина (1863–1920), который заложил основы современной методики исследования и публикации надписей этой эпохи, впервые определив текст надписи и его носитель как единое целое. При издании коллекции надгробных плит XV–XVII вв. Исторического музея он впервые использовал методы, применявшиеся при издании эпиграфических памятников античного времени. Текст каждой надписи передавался церковнославянским шрифтом в соответствии с оригиналом и указанием на палеографические особенности текста, надпись сопровождалась фотографией, указывались размеры камня и характер орнамента⁴.

В советское время началу серьезного изучения эпиграфических материалов XV–XVII вв. послужило открытие надгробий во время работ по проведению первой очереди Московского метрополитена. Издавший их А.В. Арциховский (1902–1978) продолжил формирование современной методики исследования памятников эпиграфики Московской Руси, сделав важные

⁴ Щепкин В. Н. Описание надгробий (Собрание 1-е) // Отчёт Исторического музея за 1906 г. М., 1907. Приложение. С. 73–94; Он же. Описание надгробий (Собрание 2-е) // Отчёт Исторического музея за 1911 г. М., 1913. Приложение. С. 9–16.

наблюдения над эволюцией орнаментальных украшений на надгробиях и встречающейся в эпитафиях социальной терминологией⁵. К началу 60-х гг. XX в. накопленный материал потребовал обобщения. Ключевую роль в этом сыграл В.Б. Гиршберг (годы жизни неизвестны), который исследовал эволюцию надписей конца XV — первой половины XVII вв. и наметил перспективы их дальнейшего изучения⁶. Этот труд, завершивший переход от накопления эпиграфического материала к его осмыслению, способствовал отделению эпиграфики Московской Руси от эпиграфики древнерусской.

Со второй половины 1990-х гг. в исследованиях надписей Московской Руси наступает новый период, открытый исследованиями Л.А. Беляева (род. 1948) — и в первую очередь с его монографией, посвящённой белокаменным надгробиям Северо-Восточной Руси⁷. В ней был обобщён опыт, накопленный предыдущими исследователями, выявлен генезис древнерусских белокаменных надгробий и разработаны надёжные типологические и хронологические методы их датировки. Одной из особенностей методов, разработанных исследователем, является преобладание искусствоведческого анализа над исследованием письменных источников XV–XVII в. В результате этого многие вопросы возникновения и бытования подписных надгробных плит, в том числе их связь с поминальной практикой, остались недостаточно освящёнными, а их эволюция во второй половине XVII — начале XVIII в. намечена конспективно.

В последние десятилетия по числу публикаций лидирующее место традиционно занимают эпиграфические памятники Москвы. Изданы надгробия, обнаруженные при исследованиях Троице-Сергиевой лавры и Ново-Иерусалимского монастыря. Новым явлением стало расширение географии

⁵ *Арциховский А.В.* Надписи, найденные на Метрострое // ИГАИМК. Вып. 132: По трассе Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. Л., 1936 С. 160–165.

⁶ *Гиршберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. 1960. Т. I. С. 3–66; *Он же.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. 1962. Т. III. С. 212–287.

⁷ *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.

публикуемых памятников: изданы плиты из Новгорода Великого, Твери и Тверской области, Ярославля и Ярославской области, Суздаля, Можайска, Дмитрова, Рязани, Нижнего Новгорода, Пскова, Костромы, Казани и др.

В целом современные исследования эпиграфических памятников Московской Руси выглядят мозаично. Введённый в научный оборот обширный материал недостаточно систематизирован, не обобщён и не даёт полного представления о теоретических вопросах старорусской эпиграфики, а также источниковедческой значимости данной категории памятников письменности. Это затрудняет привлечение эпиграфического материала в качестве полноценного исторического источника по истории и культуре Московской Руси и порождает скепсис в отношении его самоценности.

Вместе с тем, исследователи надписей Московской Руси сталкиваются с рядом методологических трудностей, и наиболее острой проблемой в эпиграфике этой эпохи является отсутствие единых правил документирования, описания и публикации надписей, а также вопросы точного воспроизведения их палеографических особенностей. Републикация надписей зачастую производится без сверки с подлинником, при этом сообщается не обо всех существующих изданиях, а имеющиеся в них разночтения и конъектуры не учитываются. Как следствие, теряется ценность эпиграфического памятника как лингвистического источника.

Степень изученности надписей Московской Руси и их включённости в исторические исследования определила **основные положения** предлагаемого исследования. В нём эпиграфика данной эпохи впервые выделяется в отдельный раздел древнерусской эпиграфики, а надписи этой эпохи рассматриваются как единый комплекс источников.

Основные методологические принципы исследования связаны с пониманием *эпиграфики* как гуманитарной науки, объектом исследования которой являются надписи, а целью — изучение человека и различных сфер человеческой деятельности. Она рассматривается как специальная историческая и вспомогательная филологическая дисциплина — как в части методов и

приёмов исследования, так и в части использования надписей как исторических и лингвистических источников. Характер исследуемых эпиграфических памятников определил необходимость использования междисциплинарных методов источниковедения — исторических, археологических, религиоведческих, культурологических, филологических, а также богословских.

При современном состоянии исторической науки, занимающейся исследованием Древности и Средневековья, подъём на более высокую ступень познания прошлого возможен тремя путями — поиском и введением в научный оборот новых источников, совершенствованием методик их изучения и их широкой интеграцией с иными гуманитарными дисциплинами, а также обращением к источникам, вызывающим ограниченный интерес у историков. Памятники эпиграфики (и не только Московской Руси) находятся на пересечении этих путей, и выбранные в данном исследовании методологические принципы в первую очередь направлены на выявление их значения как полноценного источника.

Для сложившихся на протяжении XX в. исторических школ характерны различные — и часто дискуссионные — концептуальные походы к познанию прошлого и роли исторического источника в этом процессе. При множественности исследовательских стратегий одной из ведущих тенденций современной исторической науки является стремление к *синтезу методологий* в исследовательской практике, обеспечивающему создание целостного образа прошлого. Как базовый этот подход принят и в предлагаемом исследовании. Его ведущим методологическим принципом является *историзм*, то есть понимание того, что человек и современное ему общество являются сложно-подчинёнными, постоянно взаимодействующими и изменяющимися элементами единого целого — исторической эпохи. Ведущая роль в её познании принадлежит источникам. При этом памятники эпиграфики Московской Руси как комплекс источников, обладающих внутренним и внешним единством, отражают основные тенденции исторического развития своей эпохи и меняются вместе с нею. С одной стороны, надпись («текст»), будучи своеоб-

разным «посланием вечности», является *феноменом*, отражающим сложные взаимосвязи вещественного и духовного, социального и психологического, культурного и природного в самом человеке и результатах его деятельности. С другой стороны, эпиграфические памятники Московской Руси создают образ *персональной истории*, будучи связаны с человеком, его деятельностью, жизненным опытом и господствующими в обществе ценностями, шире — со всеми сторонами повседневной жизни, включая материальную и духовную культуру изучаемой эпохи. Наконец, человек и общество на определённой ступени развития познаются на основе изучения *процесса смены социокультурных ориентиров* и связанных с ним ситуаций *выбора* и *заимствования*, а также *сил инерции* — традиций и привычек, менявшихся медленно и исподволь, но в совокупности оказывавших решающее влияние на формирование облика эпохи, что видно на примере эволюции типологии, содержания и декоративного оформления надписей Московской Руси.

Второй базовый методологический принцип — *междисциплинарный источниковедческий подход* к исследованию надписей — основан на синтезе нарративных, археологических, фольклорных, изобразительных и этнографических источников и является ведущим принципом современного гуманитарного знания, в том числе в исследованиях по истории Древней Руси.

Третьим базовым методологическим принципом является представление об *общности приёмов и методов исследования* в различных отраслях эпиграфики. Это позволяет рассматривать надписи Московской Руси как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах на фоне надписей иных эпох и народов и выработать универсальный алгоритм их описания.

Успех эпиграфического исследования в значительной степени определяется двумя факторами. Первый — это понимание *неразрывности формы и содержания надписи*, так как в центре внимания эпиграфиста стоит не только и не столько заключённая в ней письменная информация, но и материал носителя надписи, технические приёмы нанесения, а также историко-социальные и культурологические вопросы — расположение и функцио-

нальное назначение надписи, особенности письма и языка, декоративное оформление и т.д. Второй фактор — *интеграция* различных категорий источников при исследовании и интерпретации информации, предоставляемой как отдельной надписью, так и всей совокупностью эпиграфических источников. Успешное исследование надписей связано с применением современных методик, выработанных различными отраслями специальных исторических (resp. фундаментальных гуманитарных) и филологических дисциплин, а также применением компьютерных технологий при документировании и описании эпиграфических памятников.

Личный вклад автора диссертации заключается в поиске, сборе, фиксации и исследовании эпиграфических памятников XV–XVIII вв., проводившихся с 1995 по 2018 гг. на территории Архангельской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Рязанской, Калужской, Владимирской, Нижегородской, Смоленской областям, Республике Татарстан, а также в обследовании и изучении храмов и монастырей Москвы, Подмосковья и старейших кладбищ Санкт-Петербурга. К исследованию также привлекались надписи, хранящиеся в Государственном историческом музее, Музее истории Москвы, Московском государственном объединённом художественном, историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Коломенское–Измайлово–Люблино», музеях-заповедниках в Кириллове, Каргополе, Великом Устюге, Костроме, Ярославле, Александрове, Переславле-Залесском, Государственном музее городской скульптуры Санкт-Петербурга, Вяземском историко-краеведческом и Нижегородском православном музеях, Тверском объединённом музее и его филиалах и др. Кроме того, работа в архивах (РГАДА, РГАЛИ, ГАКО, НАРТ) и отделах рукописей музеев (ГИМ) и библиотек (РГБ, РНБ, БАН) позволила выявить и ввести в научный оборот списки с утраченных надписей эпохи Московской Руси, выполненные в конце XVII–XIX вв.

Исследование лапидарных надписей Московской Руси из обширного ареала позволило создать базу диссертационного исследования, разработать

цельную характеристику данного вида исторических источников, определить степень их массовости, а также значимость для изучения истории и культуры Руси последней четверти XV — начала второй трети XVIII в.

Научная новизна исследования заключается в следующем: 1) определен источниковый потенциал лапидарных надписей Руси последней четверти XV — начала второй трети XVIII в. и разработаны наиболее перспективные методы их источниковедческого анализа; 2) предложено решение научной проблемы выделения эпиграфики Московской Руси в самостоятельный раздел эпиграфики древнерусской, которая *впервые* обозначена здесь как старорусская эпиграфика; 3) *впервые* обоснованы её хронологические рамки в пределах последней четверти XV — начала второй трети XVIII в., позволившие проследить эволюцию памятников лапидарной эпиграфики Московской Руси (в дальнейшем именуемых *старорусскими надписями*) и разработать их типологию, основанную на структуре их формуляра; 4) *впервые* определён репертурий старорусских лапидарных надписей (включая материал носителей, типы резьбы, виды шрифта и календарь), особенности языка, палеографии и текстологии; 5) результаты исследования позволили продемонстрировать значимость дифференцированного подхода к источниковедческому анализу памятников старорусской эпиграфики и показать перспективность их комплексного изучения во взаимосвязи с традиционными типами письменных источников, данными археологии, нумизматики, сфрагистики, памятниками изобразительного и декоративно-прикладного искусства и произведениями устного народного творчества и богословскими текстами; 6) *впервые* установлена взаимосвязь эволюции содержания старорусских надписей с изменениями в политической, религиозной, мемориальной и интеллектуальной культуре Московской Руси, что позволило включить исследования памятников эпиграфики последней четверти XV — начала второй трети XVIII в. в решение ряда важных исторических, историко-культурных и историко-антропологических проблем персональной истории и генеалогии, истории Русской Церкви и агиографии, поминальной и мемориальной культуры, по-

литической и интеллектуальной истории, градостроительства и архитектуры Московской Руси; 7) *впервые* раскрыта источниковедческая значимость лапидарных надписей для изучения глубинных процессов, протекающих в культуре московского барокко и на начальных этапах реформ Петра I. Исследование надписей этого времени позволило расширить представление о личностной стороне этого процесса, базирующейся на сплаве традиционных ценностей Московской Руси с новыми качествами человека меняющейся России — индивидуализации его личности, важности интеллектуальных исканий и жизненного опыта; 8) *впервые* прослежена взаимосвязь памятников старорусской эпиграфики с почитаемыми камнями, что позволило доказать христианский характер данных реликвий и выявить механизмы возникновения почитания надписей последней четверти XV–XVII вв. в последующие столетия; 9) *впервые* предложена оригинальная методика изучения былинных надписей, основанная на обращении не только к эпиграфической практике Киевской Руси, но, учитывая время распространения былинного эпоса, и к надписям Московской Руси, а также Российской империи и степени преобразования этой практики в фольклоре, что дало возможность поставить вопрос о возможности вычленения позднейших наслоений и анахронизмов в былинах в рамках проблемы соотношения эпоса и действительности; 10) *впервые* применительно к исследуемому материалу выработаны и апробированы методы объективного документирования эпиграфических памятников на базе современных компьютерных технологий и предложены унифицированные правила описания лапидарных надписей Московской Руси на основе принятых в мировой эпиграфической практике стандартов, что позволило определить перспективы дальнейшего изучения старорусских эпиграфических памятников, а также выработать научно обоснованные принципы создания их свода.

Теоретическая значимость исследования заключается не только во введении нового источникового материала для изучения различных аспектов истории, культуры и языка Московской Руси и демонстрации приёмов и ме-

тодов его исследования. Эпиграфика Московской Руси, обладающая своими методами комплексного историко-филологического исследования, разработка которых представлена в диссертации, является полноценным историко-культурным и письменным источником в изучении целого ряда фундаментальных проблем русской истории эпохи Средневековья.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и специальных вузовских курсах по вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам, при подготовке учебников и учебных пособий по истории России для средней и высшей школы, для разработки общих и специальных курсов исторической, источниковедческой, культурологической и религиоведческой тематики, посвящённых истории Московской Руси, а также при публикации памятников эпиграфики этой эпохи, составлении научных каталогов и описании музейных коллекций. Разработанные автором методология и методические приёмы, а также принципы объективного документирования эпиграфических памятников на базе современных компьютерных технологий могут быть использованы при изучении и издании эпиграфических памятников Московской Руси и их привлечении для дальнейших исследований истории и культуры этой эпохи.

Апробация исследования. Основные положения исследования были апробированы в общих и специальных курсах, читавшихся мною в ПСТГУ, школе-интернате «Интеллектуал», Университете Дмитрия Пожарского, в ходе докладов на всероссийских, городских, областных, региональных, республиканских и международных конференциях, проходивших в 2002–2018 гг. в Москве, Истре, Коломне, Орехове-Зуеве, Горках Ленинских, Ярославле, Твери, Александрове, Иосифо-Волоколамском монастыре, а также за рубежом — в Польше, Белоруссии и на Украине. Основные положения исследования легли в основу пилотной версии сайта «Свод русских надписей», созданного в 2017 г. с целью сохранения, систематизации и распространения знаний об эпиграфических памятниках Руси⁸. Разработанная автором методика восста-

⁸ Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей // <http://cir.rssda.su>.

новления текста утраченных надписей была использована при экспертной оценке восстановленных и реставрированных надписей из Ново-Иерусалимского монастыря.

Результаты исследования отражены в 4 монографиях и 122 статьях (в том числе 19, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эпиграфика Московской Руси, или старорусская эпиграфика, является самостоятельной отраслью древнерусской эпиграфики, изучающей надписи последней четверти XV — начала второй трети XVIII в., которые отличаются от надписей предшествующего времени стадияльно, типологически, палеографически и лингвистически и требующие своей методики исследования.

2. Основой классификации старорусских лапидарных надписей служит их *содержание*, зависящее от их функционального назначения и связанного с ним набора информационных единиц.

3. Старорусское подписное белокаменное надгробие, появившись в силу целого комплекса причин в последней трети XV в., в первую очередь связано со складыванием новой поминальной культуры — эпитафии были включены как в процесс поминального богослужения, так и в иные аспекты церковной жизни Московской Руси, а расширение их содержания отражало изменения в культуре и общественном, и индивидуальном сознании.

4. Подписные валунные надгробия не являются самостоятельным типом надмогильных памятников Московской Руси и вместе с белокаменными плитами, встраиваются в линию развития старорусского надгробия, включая элементы декоративного оформления, что и белокаменные плиты.

5. Старорусские надписи — в первую очередь эпитафии как наиболее тесно связанные с личностью памятники — содержат богатый, но не всегда востребованный материал по антропонимике, ономастике, генеалогии, просопографии всех сословий Московской Руси. Биографические элементы начали проникать в старорусские эпиграфические памятники с середины XVI

в. за счёт расширения информационных полей в эпитафиях. Расцвет надписей биографического содержания начинается в последней четверти XVII в. и обусловлен распространением эпитафических памятников смешанного типа. Расширение содержания надписей в это время связано с попыткой создать образ идеального человека, как мирянина, так и духовного лица, что оказывается созвучным новой эпохе, начатой реформами Петра I.

6. Старорусские лапидарные надписи обладают устойчивым агиографическим компонентом, который проявлялся как в их содержании, так и в их последующей судьбе, связанной с мемориализацией деятельности святого.

7. Памятники эпиграфики, как и любой исторический источник, несут многомерную информацию о прошлом. В комплексе с иными категориями источников они дают важный материал по исторической географии Московской Руси, являются надёжным источником по истории городской планировки, а нередко — содержат уникальные сведения о событиях в уездных городах России, чья история недостаточно освещена нарративными источниками.

8. Лапидарные надписи являются важным компонентом культуры эпохи Московской Руси, отражающим различные её сферы — политическую, религиозную, мемориальную и др. и происходящие в них перемены.

9. Культура эпохи московского барокко с её эстетикой образа, эмблемы, символа, зафиксированного в слове-подписи, эпиграфична. Интеллектуальную культуру этого времени характеризуют интерпретация и переводы иноязычных эпитафических памятников, а также словесная «игра» с личными именами в надписях отечественных. Превратившись в идеальное поле для игр интеллекта, старорусские надписи органично вписываются в эстетику барокко, испытывавшей интерес к слову, словесному знаку, которые можно разглядывать, петь, обыгрывать, превратить в загадку.

10. Основой исследования вопроса об эпиграфической памяти народа является выявление взаимосвязи надписей, упоминаемых в былинах, с реальной эпиграфической практикой, существовавшей в разные периоды русской истории и степени преобразования этой практики в фольклоре. Вычленение

позднейших наслоений и анахронизмов в былинах ставит вопрос о соотношении эпоса и действительности.

11. Дальнейшие перспективы развития эпиграфики Московской Руси как специальной исторической дисциплины связаны с применением объективных методов документирования надписей, основанных на применении современных компьютерных технологий и едином стандарте описания этих памятников, а также с созданием «Свода русских надписей», который даст в руки исследователей полноценный корпус эпиграфических источников, созданный на основе современной научной методики.

Структурно исследование состоит из двух томов. *Первый том*, исследование, состоит из введения, семи глав, заключения и списка литературы. Во *второй том* включены альбом из 410 иллюстраций, 37 приложений, каталоги надгробий, типологические таблицы эволюции декора на белокаменных надгробиях и крышках саркофагов XIII — начала XVI в., а также словари мастеров XVI–XVII вв., занимавшихся изготовлением надписей, и эпиграфических терминов.

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во «Введении» обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, хронологические и географические рамки, источниковая база, теоретико-методологическая основа, научная новизна и практическая значимость, приводятся сведения об апробации основных результатов исследования, представлен перечень научных положений диссертации, вынесенных к защите.

Первая глава — «Основные категории старорусской эпиграфики» — посвящена основным проблемам изучения лапидарных надписей, их реперторию, типологии, а также приёмам критики и реконструкции текста и состоит из восьми параграфов и заключения. В главе впервые *обосновывается* выделение русских надписей эпохи Московской Руси в отдельную отрасль древнерусской эпиграфики, которые в данном исследовании именуются *старо-*

русскими. К внешним признакам репертория данных эпиграфических памятников, под которым я понимаю целостный комплекс внешних и внутренних признаков, создающих структуру надписей данной эпохи и связывающих их в пространстве и во времени, относятся язык, палеография, календарь, декоративное оформление надписей, к внутренним — зависящие от функционального назначения надписей информационные единицы, задающие основу для выделения типов эпиграфических памятников.

Надписям Московской Руси присущи «коды», характерные для эпиграфических памятников западноевропейского Средневековья. К лингвистическим относится язык, более адаптированный к пониманию читателей, нежели «книжный», наличие аббревиатур и устойчивых формул, к графическим — особый вид письма, облегчающий визуальное восприятие надписи, членение текста на строки и выделение датирующих и смысловых блоков интерпункционными знаками. Взаимодействие данных «кодов» формирует надпись как средство донесения и сохранения информации.

Для старорусских надписей, находившихся на стыке делового, книжного и разговорного языков характерно так называемое *эпиграфическое койне*, то есть сочетание в пределах одного текста слов «гибридного» церковнославянского языка и обиходно-разговорного языка Московской Руси, с наличием фонетических и орфографических вариантов, нерегулярным употреблением надстрочных знаков, многочисленными случаями аллографии, гиперкорректным написанием слов иностранного происхождения (преимущественно личных имён) и т.п.

К графико-орфографической системе старорусских надписей относится ряд палеографических признаков, облегчающих восприятие текста, — шрифт, способы сокращения слов, лигатуры, надстрочные знаки и др. В комплексе они формируют эпиграфический дукт — последовательность начертания составных элементов букв. Он диктовался твёрдостью носителя информации и зависел от свойственной резчику надписи графической традиции, сформировавшейся во время его обучения грамоте, а позже — и ремес-

лу. На дукт также влияли мастерство резчика, его причастность к книжной или «народной» культуре, иногда — установки «на старину».

Твёрдость носителя информации диктует палеографические особенности старорусских надписей. Они различаются по видам резьбы. Древнейшим из них является *прямая резьба*, то есть нарезка букв узкими прямыми линиями. Примерно с середины XVI в. распространяется *трёхгранно-выемчатая резьба*, связанная с нарезкой элементов букв углублёнными треугольниками. С 30-х гг. того же столетия появляется *низкорельефная* и *обронная резьба*, производившаяся путём выборки фона по контуру буквы.

В главе впервые систематизированы виды шрифта старорусских лапидарных памятников. К бытовому письму, употреблявшемуся вне сферы книжной культуры, принадлежат *бытовой полуустав* и *вязь*. К особенностям начертания букв, характерных для эпиграфического полуустава следует отнести следующие понятия, обычно остающиеся вне поля зрения издателей надписей Московской Руси: *аббревиатуры*, *акронимы*, *акростихи*, *аллографы*, *контрактуры*, *лигатуры* и *суспенсию*. Особым родом аббревиаций являются «*крестные словеса*» — символические аббревиатуры, размещавшиеся при изображениях крестов на эпиграфических памятниках.

Составной частью репертория старорусских надписей является календарь. К основным указаниям относится номер года по принятой на Руси византийской (константинопольской) эре. Счёт лет от Рождества Христова в русскоязычных надписях появляется во второй половине 40-х гг. XVII в. как дополнение к дате от Сотворения мира. Их исследование позволило впервые выявить особенности перевода года от Рождества Христова в год от Сотворения мира в Московской Руси: так как первый начинался раньше традиционного новолетия 1 сентября, из даты от Сотворения мира вычиталось 5509 лет без коррекции по месяцу года.

К дополнительным хронологическим указаниям относится год индикта, имена великих князей, царей и церковных иерархов, а также указание на день памяти святого, в который произошла смерть человека, либо было заложено

или освящено здание, соотношение которых позволяет уточнить год создания надписи.

В основу классификации надписей Древней Руси традиционно кладётся материал, на котором они выполнены. В основу выделения типов старорусских надписей в исследовании впервые положено их *содержание*. Первым основополагающим принципом в разработке их типологии стало определение *функционального назначения* надписей. При этом в качестве первичного признака выделено *формульность* их содержания, которая складывается из единства информативных единиц составляющих их формуляр, организующих структуру текста и отражающих функции эпитафического памятника. В качестве второго принципа типологизации взято *соотношение информативных единиц*, из набора которых складывается формуляр эпитафического памятника.

Самым многочисленным и наиболее изученным типом старорусских эпитафических памятников являются *эпитафии* и *надписи на крышках белокаменных саркофагов*, самый формализованный тип лапидарных надписей конца XV–XVII в. Структурообразующими элементами «классической» старорусской эпитафии, в наиболее законченном виде сложившейся в первой четверти XVI в., являются датирующая формула («в лето») и глагол «преставися», а ключевой информативной единицей — фраза «раб Божий». В зависимости от времени создания эпитафии данные единицы могут «наращиваться» за счёт присоединения к датирующей формуле указания на день памяти святого, на который пришлась смерть, а к сведениям о личности — указаний на сословную принадлежность или профессию умершего.

Вторым по степени изученности типом старорусских эпитафических памятников являются *строительные надписи*, сообщающие о возведении той или иной постройки. Присущая им структура информативных единиц близка по способу организации текста к формуляру частных актов.

К менее распространённым типам старорусских лапидарных эпитафических памятников принадлежат *памятные плиты*, *родовые синодики*,

надписи агиографического содержания, межевые и пограничные знаки, а также *белокаменные подписные кресты*, которые по набору информационных единиц делятся на поклонные, надгробные, поминальные, обетные, памятные, межевые и др.

В главе впервые вводится термин «эпиграфический комплекс». *Открытый* эпиграфический комплекс создают старорусские надгробия, привязанный к конкретному монастырю или приходскому некрополю. Он формировался на всём протяжении существования кладбища, и одним из основных источников его реконструкции являются археологические исследования, постоянно пополняющие «каменный архив». *Закрытый* комплекс эпиграфических памятников — это совокупность надписей, созданных в ограниченный промежуток времени для конкретного архитектурного объекта, как, например, эпиграфический «проскинитарий» по Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, не имеющий аналогий среди надписей московского барокко второй половины XVII — начала XVIII в.

Изменения в репертурии старорусских надписей XVII в. привели к смешению типов старорусских эпиграфических памятников. Данный процесс многомерен и включает увеличение количества информационных единиц в эпиграфических памятниках одного типа, ведущий к изменению их содержания, а также взаимопроникновение информационных единиц, характерных для разных типов надписей, что имело прямую связь с эстетикой эпохи барокко, когда надпись стала раскрывать внутренний смысл вещи, перенося его из мира материального в мир духовных ценностей.

Заключительный этап развития старорусской эпиграфики характеризуют первые гражданские монументы — «столпы» с надписями, объявлявшие о винах мятежных стрельцов (1692, 1699–1700) и государственных изменников (1697), превратившиеся в памятники «монументальной пропаганды».

Значительное место в главе уделено проблемам текстологии старорусских эпиграфических памятников, методике реконструкции утраченных текстов, принципам выделения подложных и фальсифицированных надписей и

приёмам их источниковедческой критики. К приёмам внешней критики надписей Московской Руси отнесены определение соответствия их палеографии и декоративного оформления указанной в ней дате. Приёмы внутренней критики основаны на анализе информации, запечатлённой в эпиграфическом памятнике в контексте эпохи и в комплексе с изучением однотипных надписей и различных категорий иных источников и результатами археологических исследований.

Методологической основой второй главы диссертации, «Белокаменные подписные надгробия Московской Руси: “портрет” в интерьере эпохи», является представление о прямой связи эволюции древнерусского надгробия с процессом формирования христианской поминальной культуры на Руси в XII — конце 40-х гг. XVI в., что обычно ускользает от внимания исследователей. В качестве отправной точки, приведшей к появлению надгробий, в главе впервые выделена «поминальная революция» XII–XIII вв., связанная с распространением на Руси различных форм христианского поминовения, в том числе поминальных граффити в алтарных частях храмов. Её высшая точка, приходящаяся на XIII в., отразила потребность в фиксации места погребения, реже — точного времени смерти, и связана с появлением первых намогильных памятников — валунных надгробий (в том числе и подписных), анэпиграфных белокаменных намогильных плит и крышек саркофагов.

Переход к новой поминальной культуре начался в конце XIV в. В общехристианском масштабе, как впервые установлено в исследовании, он был связан с переосмыслением образа смерти. Наложившийся на эсхатологические ожидания, на Руси этот процесс привёл к введению различных форм долгосрочного поминовения умерших. Эти перемены, видимо, стимулировали распространение анэпиграфных белокаменных плит. В XV в. шёл постепенный переход к подписным намогильным памятникам, связанный с упрощением декоративного оформления и формированием эпиграфического поля.

Основной причиной появления подписных надгробий на Руси является организации долгосрочного монастырского поминовения умерших, в кото-

ром главная роль принадлежит прп. Иосифу Волоцкому и созданной им первой редакции Русского Синодика, который рассматривался как «книга животная». Тот же образ создавало и белокаменное подписное надгробие. Его форма и декоративное оформление дали *нейтральный* образ смерти тела, скрытого узорной белокаменной плитой-антропоморфом, единой с основополагающими для иконописи обратной перспективой и смешением понятий «цвет» и «свет», поле же намогильной плиты могло восприниматься как не подверженная разрушению «белая страница», куда записывалось имя человека и дата его *преставления* в жизнь вечную.

В главе выделены два типа белокаменных подписных надгробий, существовавшие с последней трети XV в. «Московский» тип делится на два подтипа — «троицкий» и «волоколамский», условно названные так по находкам древнейших датированных надгробий в Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях — центрах складывания новой поминальной культуры. Ко второму типу относятся белокаменные надгробия, производившиеся на землях Тверского княжества / уезда, отличительной чертой которых является Т-образный знак, идущий по центру плиты.

На основе композиции надгробий «троицкого» подтипа во второй четверти XVI в. сложился тип классического старорусского надгробия. Дальнейшая эволюция информационных единиц, составляющих структуру эпитафий в XVI–XVII вв., демонстрирует процесс перехода от надписей «некрологического» типа к фактографическим и позднее — к «биографическим», что было связано с пробуждением интереса к человеку в XVII в.

Бытование плит «тверского» типа лежит в пределах 80-х гг. XV — 60-х гг. XVI в., а символика Т-образного знака *полисемантически* и могла соединять посох, жезл и крест. Символика же треного основания, изображаемого при данных знаках требует дополнительных изысканий.

В главе также суммируются данные археологических раскопок, письменных, изобразительных и др. источников по малоизученной проблеме бытования подписных намогильных плит от изготовления до полного разруше-

ния. Это — вопросы функционального назначения надгробий, процесса их изготовления и нарезки эпитафий, способы реализации и цены, срока службы и факторов разрушения, а также особенности вторичного использования надгробных плит.

Значительное место в главе уделяется стихотворным силлабическим эпитафиям, слабо изученным в отечественной науке. Этот жанр был принесён в книжность Московской Руси Симеоном Полоцким, а в старорусскую эпиграфику проник в 1675 г. Сохранившиеся до наших дней реальные стихотворные эпитафии позволяют впервые обосновать вопрос о сосуществовании во второй половине 70-х — начале 80-х гг. XVII в. двух школ стихотворной эпитафии — московской и ново-иерусалимской. *Московская школа*, испытывавшая сильное влияние малороссийской и белорусской эпитафийной поэзии, создавалась поэтами-знатоками латинского языка, последовательно занимавшими положение придворных стихотворцев, — монахами Симеоном Полоцким, Сильвестром Медведевым и Карионом Истоминым. Канон московской стихотворной эпитафии, как и в Малороссии, строился как монолог надгробия с прохожим, и указывал на место погребения, сообщал имя покойного, его социальный и профессиональный статус, важнейшие черты биографии, а также время смерти. Завершалась эпитафия просьбой к читателю помолиться о душе покойного. *Ново-иерусалимская школа* была создана учениками патриарха Никона — архимандритами этой обители Германом и его преемником Никанором. Их творчество было ориентировано на личность, раскрывающуюся в глубине религиозного и интеллектуального подвига. С «московскими» эпитафиями ново-иерусалимские роднит заданность на диалог с читателем. Однако основой организации их текста был не призыв к прохожему, а внешнее оформление стихов — акростих.

В исследовании впервые показана неоднородность смены культурной парадигмы, демонстрируемой стихотворными эпитафиями. Их питают западноевропейские ценности, присущие человеку меняющейся России, — неповторимость его личности, не связанная сословной принадлежностью и

традициями этикета, важность интеллектуальных исканий и индивидуально-го жизненного опыта, связанного с личными честью и славой, не говоря о новой символике и эмблематике. Тем не менее, западноевропейские новшества оказались нерасторжимы с традиционными ценностями Московской Руси: силлабические эпитафии стали наиболее востребованным жанром «кладбищенской» поэзии в ходе Петровских реформ и были востребованы практически во всех сословиях вплоть до времени Екатерины II.

Процесс перехода от старорусской эпитафии к эпитафике Российской империи определили реформы Петра I, направленные на европеизацию страны. Определяющую роль сыграли октябрьские указы 1723 г., которые вразрез с традициями Московской Руси запретили захоронения на приходских кладбищах внутри города лиц всех сословий за исключением «знатных персон» и поминальное богослужение на родовых участках некрополя. Тем самым приходские кладбища в городах стали «зонами» сословной исключительности, а взаимосвязь между надгробием и поминальной службой была утрачена.

В целом процесс ухода эпитафических традиций Московской Руси был длительным, и выделение его сущностных черт представляет огромный интерес, выходящий за рамки данного исследования. В основном он завершился с организацией в городах России регулярных кладбищ в первой половине 70-х гг. XVIII в.

В главе 3 — «Валунные надгробия Верхневолжья последнего десятилетия XV — начала первой трети XVIII в. в историко-культурном контексте» — впервые проводится комплексное исследование анэпитафных и подписных валунных надгробий Верхневолжья параллельно с изучением этих памятников, известных в соседних с данным регионом Вологодской, Владимирской и Московской областях. Анэпитафные валуны являются одними из древнейших христианских надгробных памятников, но на Руси валунные надгробия появляются во время «поминальной революции» XII–XIII вв. В XIV–XVI вв. анэпитафные валунные надгробия стали преобладающим типом надгробных памятников на сельских некрополях и в большей степени

характеризовали сельскую погребальную обрядность, а в XIII–XIV вв. были характерны и для городской культуры.

В Европейской части России в конце XV — начале второй трети XVIII вв. существовали два региона распространения подписных валунных надгробий — современная Вологодская область и Верхневолжье. На западе границей их распространения является Смядынский монастырь в Смоленске, на юге — Покровский монастырь в Суздале, на востоке — Нерчинский острог.

В качестве основных методических принципов изучения подписных валунных надгробий в главе выделяются следующие: *древность* села и храма, *ориентация* камня, повторяющая направление могильного холма по линии восток-запад, его соотношение с современными кладбищенскими участками, а также отсутствие *внешних признаков* на верхней поверхности камня, указывающих на использование валуна в качестве намогильного камня в XVIII–XX вв. Методика работы с валунными надгробиями включает также изучение геологической породы камней, что необходимо для выявления сырьевой базы и определения трудоёмкости резных работ, способов нанесения надписи, их палеографических особенностей. Важную роль играют также анализ формульной части эпитафии, её книжной ориентации и книжного компонента, а также употреблённых в надписи «нестандартных» сокращений слов. Анализ палеографических особенностей вырезанных на них эпитафий позволяют выявить надписи, выполненные резчиками-профессионалами и людьми, не имевшими профессиональных навыков. Вместе с просопографическим анализом эпитафий это позволяет составить социальный «портрет» «владельцев» надгробий.

Представленный в главе материал показывает, что подписные валунные надгробия встраиваются в линию развития старорусского надгробия. Эпитафии на них имеют ту же структуру информационных единиц, что и на белокаменных надгробиях, а декоративное оформление зависит от декоративного оформления последних. Данные намогильные памятники мало связаны с имущественной и социальной принадлежностью умерших и, подобно бело-

каменным плитам, могли выполнять статусные функции, но могли и отражать низкий достаток и социальное положение умершего. Почти полное отсутствие подписных надгробных памятников, бесспорно принадлежащих крестьянам, с одной стороны объясняется преобладанием анэпиграфных валунов на сельских некрополях эпохи Московской, а с другой — слабой изученностью последних в разных регионах России.

Главы с 4 по 6 посвящены основной теме диссертационного исследования — выявлению источниковедческой значимости старорусских эпитафических памятников. Надписи Московской Руси по форме и содержанию тесно связаны с массовым сознанием эпохи и включены в различные сферы человеческой деятельности — религиозную, культурную, политическую и бытовую. Как исторический источник они обладают массовостью, высокой степенью формульности, а их количество постоянно пополняется благодаря археологическим раскопкам, реставрационным работам на памятниках архитектуры и систематическим поиском в различных российских регионах. Эпитафические памятники конца XV — начала второй трети XVIII в. вызывают ограниченный интерес у историков России этого периода, но, будучи исследованы в комплексе с традиционными письменными источниками, представляют богатейший материал для изучения различных сторон исторической действительности Московской Руси.

В главе 4 исследования — «Человек в памятниках старорусской эпитафики XVI — начала второй трети XVIII в.» — надписи рассматриваются как наиболее тесно связанные с личностью источники, содержащие богатый, но не всегда востребованный материал по антропонимике, ономастике, генеалогии, просопографии всех сословий Московской Руси.

В ранних старорусских эпитафиях безраздельно господствовали стандартные формулы, извещавшие читателя о времени окончания земной жизни человека. Биографичность их содержания стала усиливаться с середины XVI в. после установления в 1548 г. общей службы всем умершим. Расширение информационных полей при этом определялось личными вкусами автора /

заказчика надгробной надписи или его ближайших родственников, желавшими увековечить индивидуальность жизненного пути и значимость личного опыта умершего. С начала Ливонской войны в эпитафиях отражается одна из базовых ценностей служилого сословия — смерть на государевой службе, ставшая массовым явлением в годы Смуты. Переломным явлением стала созданная в конце XVI в. автоэпитафия-исповедь Ивана (Головы) Соловцова, где впервые в старорусской эпиграфике жизненный опыт человека преподан в качестве назидания ныне живущим и потомкам.

Расцвет надписей биографического содержания начинается в последней четверти XVII в. и связан с распространением эпиграфических памятников смешанного типа. Расширение содержания надписей в это время связано с попыткой создать образ идеального человека, как мирянина, так и духовного лица, что было созвучным эпохе московского барокко и преобразованиям Петра I. Однако новые традиции, насаждавшиеся царём-реформатором, в большей степени заметны в эпитафиях, созданных на латинском языке в традициях западноевропейского барокко, что наиболее ярко демонстрирует надгробие Ф. Лефорта.

Неоднородность смены культурной парадигмы демонстрирует присутствующий в эпитафиях образ «не-современного» человека, умевшего органично сочетать старомосковские идеалы с новыми нормами общественной жизни и мышления». Это — победоносный полководец, умудрённый опытом думный дьяк, благочестивая девушка из знатной семьи. Идеал раскрывался через ряд устойчивых агiotипов, аллюзий на Священное Писание и богослужебные тексты, но особую роль играли этические нормы повседневного поведения, устанавливаемые Домостроем, который был действующим нормативным документом даже во времена петровских реформ, когда менялись традиционные устои быта.

Неоднородность перемен демонстрируют и стихотворные эпитафии. Произведения этого жанра, сочетавшие житийные агiotипы и барочные формы, иначе, чем прозаические эпитафии, позволили подойти к характери-

стике человека, пробуждая религиозные чувства и интеллект читателя, — либо через различные формы поэтической «игры» с личным именем, либо через создание образа идеального архиерея, по сути — такого же героя культуры московского барокко, как и светские «адресаты» прозаических эпитафий. Как впервые установлено в диссертационном исследовании, стихотворные эпитафии сохранили традиции веры и просвещения, созданные на закате Московской Руси, вплоть до начала 70-х гг. XVIII в. Вместе с тем, новые культурные традиции проявляются в уникальных для старорусской эпитафической практики надгробных памятниках верижника Савватия, воеводы А. С. Шеина, Ф. Лефорта и В. Выговского, которые по форме, языку, структуре информационных элементов, принципам их размещения открывают новый путь развития русского надгробия, во многом намечая и предвосхищая общие системные изменения, характерные для эпитафической практики послепетровского времени.

Новые явления, актуализированные в эпитафических памятниках эпохой московского барокко, перешли в XVIII в. Силлабическая «кладбищенская» поэзия удержала традиции этой эпохи в реальных эпитафиях вплоть до начала 70-х гг. XVIII в. Всё это подтверждает отсутствие культурного разрыва между культурой московского барокко и культурой эпохи петровских реформ. Лапидарные эпитафические памятники этого времени демонстрируют творческий потенциал и устойчивость старомосковских традиций и готовность их к синтезу с новой европеизированной культурой. Все эти явления питают западноевропейские ценности, присущие человеку меняющейся России, — неповторимость его личности, не связанной сословной принадлежностью и традициями этикета, важность интеллектуальных исканий и индивидуального жизненного опыта, не говоря о новой символике и эмблематике. Всё это свидетельствует о том, что лапидарные надписи эпохи московского барокко вместе с произведениями других жанров, созданных на «мягких» носителях, открывают культуру раннего Нового времени в России, связанную с

постепенной сменой традиционной культурной ориентации на общеевропейскую.

Глава 5 диссертационного исследования посвящена одному из слабо разработанных направлений в изучении надписей как источника по истории русской духовной культуры конца XV — начала XVIII в. — взаимосвязи их с агиографией.

Старорусские лапидарные надписи обладали устойчивым агиографическим компонентом, и простейшим его видом были дня памяти святых, на который пришлась смерть, регулярно включавшиеся в эпитафии. Однако в них преобладали дни памяти общехристианских святых Увеличение дней памяти русских святых, включённых в эпитафии, очевидно, связано с началом регулярной печати одной из наиболее читаемых народных книг — святцев, первое издание которых вышло в 1646 г.

В житиях святых надгробия играют роль опознавательного знака, а процесс превращения надгробия в памятник, участвующего в агиографическом факте (само чудо), в факт агиографии (письменную фиксацию происшедшего) позволяет увидеть судьбу одного из типов старорусских надписей в историко-культурном и народно-религиозном контексте. Вместе с тем, комплекс белокаменных надгробий, найденных у дома 44^а по Верхней Красносельской ул. в Москве доказывает существование церкви в с. Елохове в середине XVI в., что согласуется с данными жития Василия Блаженного о месте и времени рождения подвижника.

В главе вводится понятие «мемориально-агиографический комплекс надписей», который обычно создавался при могиле чтимого святого — центре «зоны святости» и формирующегося вокруг него некрополя. Составной его частью являются надгробия и иные эпитафические памятники, связанные с именем почитаемого святого, — аутентичные времени его преставления или изготовленные вновь в случае их повреждения или утраты, а также тексты на иных «твёрдых» носителях.

В главе также впервые исследуется группа старорусских лапидарных надписей о перенесении мощей, для которых ключевой является формула «привезены» или «принесены» мощи, а дополнительные — дают информацию об обстоятельствах смерти подвижника, инициаторах и исполнителях переноса мощей и размещении их на новом месте.

Проведённый в главе анализ надписи из Николо-Угрешского монастыря со стихотворным Сказанием о явлении Дмитрию Донскому образа Николая Чудотворца по пути на Куликово поле на основе привлечения различных категорий источников позволил установить его вероятный рукописный источник, определить достоверность его исторического ядра и установить вероятного автора виршей — Кариона Истомина.

Значительное место в главе уделено особенностям почитания камней в отечественной религиозной культуре. Среди них выделен тип *монументальных* святынь, который делится на три группы. Святыни *первой группы* являются частью сакрального, точнее, агиографического пространства и основаны на припоминаниях о подвигах святых. К ним относятся *валуны, связанные с мемориализацией деятельности подвижников*. *Вторая группа* монументальных камней — это *камни-следовики*. На их поверхности имеются углубления естественного или рукотворного происхождения в виде следа человека или животных, которые связывались с деятельностью Христа, Богородицы и святых, для обозначения которых на Руси использовался термин «воображение», применявшийся к изображениям на иконах. Второй тип монументальных святынь — *камни-подобия известных святынь*, включены в храмовое пространство. Третий тип монументальных камней — *мобильные* святыни, нередко сопровождавшиеся «подписями», — камни, перемещённые в пространстве и времени и *связанные с подвигами святых* или являющиеся свидетельством «Божьего наказания» (падения метеорита). Представленный в исследовании материал не позволяет соотносить почитаемые камни исключительно с «язычеством», «двоеверием» и «народной агиографией».

Старорусские надгробия входят в число почитаемых камней с начала XIX в. Основой их почитания становились туманные агиографические припоминания, смешанные со смутными историческими представлениями о той или иной эпохе или личности. Необычное надгробие представлялось артефактом, имманентным мощам, что удостоверяла эпитафия, не требующая адекватного восприятия текста.

Как деталь «малой» архитектуры, лапидарные надписи Московской Руси позволяют выявить места некрополей при храмах и монастырях и достаточно уверенно маркировать расположение храмов в системе городской планировки, в ряде случаев — дают наиболее раннюю, по сравнению с иными источниками, дату их существования. Решению данных вопросов посвящена шестая глава исследования — «Страницы истории Московской Руси в памятниках эпиграфики», в которой демонстрируется надёжность привлечения надписей этой эпохи в качестве источника по истории городской планировки (на примере надгробий из Кашина) и датировке исторических событий (битва на Вырке). В главе также проанализированы эпиграфические памятники, содержащие уникальные сведения о распространении морового поветрия 1652–1654 гг. в городах Руси. Вопреки традиционному взгляду на него как на эпидемию чумы, проанализированные в исследовании нарративные источники, позволяют говорить об эпидемии сибирской язвы. На примере надписей, входящих в эпиграфический «проскинитарий» по Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, можно видеть живое «участие» надписей в русской политической и религиозной жизни последней четверти XVII в.

Седьмая глава посвящена тем аспектам культуры Московской Руси в памятниках эпиграфики, в которых источниковый потенциал старорусских надписей использован недостаточно. Как черта политической культуры в ней рассматриваются элементы великокняжеской и царской титулатуры, отражённые в строительных надписях конца XV — начала XVII в., в частности, титул «самодержец», впервые в древнерусской эпиграфической практике употреблённый в надписи 1491 г. на Спасской башне. На основе памятников

«малой» эпиграфики Московской Руси — монетных легенд и надписей на государственных печатях, в исследовании впервые выявлено бытование термина «господарь» вплоть до 1613 г., хотя в публикациях источников конца XV — начала XVII в. он традиционно раскрывается как «государь». В строительных надписях XVI в. титул «господарь» отсутствует вплоть до 1564 г., а титул «самодержец» станет обязательным элементом со времени правления Фёдора Ивановича. Титул «государь» войдёт в титулатуру с воцарением Михаила Фёдоровича.

Одной из черт религиозной культуры, отразившейся в старорусской строительной эпиграфике, являются плиты с изображением Голгофского креста, расположенные в труднодоступных для чтения местах, превращающих их в своеобразный аналог вечной тайной молитвы.

Эпиграфическую культуру эпохи московского барокко с её тягой к символам и эмблемам отражал интерес к древнеегипетской иероглифике, которая воспринималась во второй половине XVII в. как особая система символов — либо путём визуального знакомства с надписями, либо в результате соединения традиций древнерусской книжности с западноевропейскими эмблематическими трактатами. Другим примером эпиграфической культуры данной эпохи являются переводы латиноязычных эпитафий иерусалимских королей, сделанные Арсением (Сухановым) в 1651 г. во время его пребывания в Иерусалиме.

Как показатель интеллектуальной культуры эпохи московского барокко в исследовании впервые рассматриваются «игры» с личными именами в надписях как составная часть интеллектуальной «забавы», основанной на его восприятии не только как индикатора «самости» человека, но и как вещи, символа, носителя тайного смысла, составленного из букв образа, который можно выразить иными буквами и иным словом, тем самым гармонизируя микрокосм отдельного человека с окружающим его макрокосмом.

Старорусские надписи были включены в культуру памяти Московской Руси. Запрет памяти (*damnatio memoriae*) путём намеренной порчи или уни-

чтожения имени в надписи, впервые рассматриваемый в главе, не был предметом специального рассмотрения. Этот обычай, известный по античным и византийским надписям, был случайным явлением в Московской Руси. Это связано с тем, что древнерусская православная традиция была основана на вере в *бессмертие души* и церковном поминовении, и одним из регуляторов культуры памяти было назидание, а высшей формой духовного наказания — *анафема*, обрекавшая душу проклятого на вечные муки.

Второй аспект культуры памяти — эпитафическая память народа — основан на разработанной мною методике исследования былинного текста, предполагающей обращение не только к эпитафической практике Киевской Руси (что обычно для отечественной историографии), но, учитывая время распространения былинного эпоса, и к надписям Московской Руси, а также имперского времени. Это позволило сделать вывод, что эпитафическая память, запечатлённая в былинах, включает себя многослойную информацию: припоминания о реальных надписях разных периодов Древней Руси, зачастую эпически гиперболизированы, а также смешаны с представлениями самих сказителей о современных им предметах и эпитафических памятниках.

В заключении подводятся основные итоги исследования. Одним из основных его результатов стало доказательство вовлечённости старорусских лапидарных надписей в основные сферы повседневной жизни Московской Руси. Старорусские надписи по форме и содержанию тесно связаны с массовым сознанием эпохи и включены в различные сферы человеческой деятельности — религиозную, культурную, политическую, бытовую и др. Как памятник духовной культуры, эпитафические памятники Московской Руси отражают изменения в культуре, общественном и индивидуальном сознании. На основании результатов исследования можно считать доказанным факт о надёжности данного вида исторических источников, необходимого для более полной характеристики исторических, социальных и культурных процессов, шедших в Московской Руси, и о важности более активного привлечения эпи-

графических памятников в исследованиях — от изучения биографий отдельных лиц и генеалогии отдельных родов до изменений в массовом сознании.

В заключении также намечены дальнейшие перспективы исследования памятников старорусской лапидарной эпиграфики, которые связаны с подготовкой под моим научным руководством «Свода русских надписей»⁹. Разработанные исследовательским коллективом «Свода...» методы документации и описания памятников эпиграфики Московской Руси основаны на применении современных компьютерных технологий и едином стандарте описания надписей. В основу документации эпиграфических памятников положена методика бесконтактного трёхмерного цифрового моделирования надписей и последующая обработка трёхмерных моделей с учётом специфики надписей Московской Руси и физическом разделении документирования и исследования памятников эпиграфики.

Для решения насущной задачи старорусской эпиграфики — создания унифицированных правил издания надписей этой эпохи — был создан единый стандарт описания надписей, который базируется на одном из важнейших правил эпиграфики — *точной передаче текста памятника* (буква в букву, знак в знак, строка в строку) — и даёт возможность составить полное представление о местоположении памятника, его внешнем виде, материале и форме носителя, размерах и времени создания. В основу транскрипции текста надписей положена Лейденская система скобок — широко используемая в античной эпиграфике система условных обозначений, позволяющих представить сохранность надписи и степень «вмешательства» в её текст издателя. Комментарии (леммы) позволяют представить надпись как памятник письменности, лингвистический и исторический источник и делятся на четыре основные группы: палеографический, филологический, текстологический и реально-исторический комментарии.

Как показал опыт работы, «Свод русских надписей» способен объединить археологов, историков, филологов-русистов, архитекторов-

⁹ Научно-технический совет Свода возглавляют А.Г. Авдеев (научный руководитель проекта) и Ю.М. Свойский (технический руководитель проекта).

реставраторов, музейных работников, местных краеведов, студентов гуманитарных вузов, школьников и духовенство. Работа над созданием «Свода...» должна сочетаться с подготовкой квалифицированных кадров эпитаграфистов. Реализация этой задачи возможна в двух направлениях — практическом и теоретическом. Первое связано с расширением круга авторов свода, исследующих памятники эпитаграфии на основе единого стандарта их описания, документирования и публикации. Теоретическое направление связано с возвращением древне- и старорусской эпитаграфии в систему вузовского преподавания.

**СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ
ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включённых в Web of Science или Scopus и рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ

1. *Авдеев, А.Г.* Клейма на амфорах из раскопок поселения у с. Мысовое / А.Г. Авдеев, Б.Г. Петерс // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 174. — М., 1983. — С. 51–56.
2. *Авдеев, А.Г.* Ситуационный анализ комплекса амфорных клейм (к постановке вопроса) / А.Г. Авдеев // Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Сер. 8. История. — 1986. — № 2. — С. 93–101.
3. *Авдеев, А.Г.* Функциональная характеристика керамической тары V–II вв. до н.э. с городища у села Михайловка / А.Г. Авдеев, А.П. Абрамов, Б.Г. Петерс // Советская археология. — 1989. — № 4. — С. 182–195 (Web of Science).
4. *Авдеев, А.Г.* Заметки об эмблемах на синопских керамических клеймах. 1. Об изображении факела на синопских клеймах / А.Г. Авдеев // Вестник древней истории. — 1991. — № 4. — С. 82–90.
5. *Авдеев, А.Г.* О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе / А.Г. Авдеев // Вестник древней истории. — 1993. — № 2. — С. 112–122 (Web of Science).
6. *Авдеев, А. Г.* О врачах в составе северопричерноморских вексилляций римских легионов / А.Г. Авдеев // Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Сер. 8. История. — 1994. — № 5. — С. 64–74.
7. *Авдеев, А.Г.* Денежно-кредитные и торговые операции IV в. до Р.Х.: Афины и Боспор / А.Г. Авдеев // Банковские услуги. — 2000. — № 12. — С. 27–30.
8. *Авдеев, А.Г.* Памятники книжности XVII века из Галичского уезда. 1. Сказание о явлении Словинской иконы Божьей Матери / А.Г. Авдеев // Вестник архивиста. — 2002. — № 4–5 (70–71). — С. 228–245 (Web of Science).
9. *Авдеев, А.Г.* «Град Галичь первой» (О времени, месте и исторических обстоятельствах основания Галича Мерьского) / А.Г. Авдеев // Вестник

- Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Сер. 8. История. — 2002. — № 4. С. 62–82.
10. *Авдеев, А.Г.* Белокаменная плита со стихотворной летописью из Николо-Угрешского монастыря / А.Г. Авдеев, А. М. Прокопенко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. Филология. История. — 2005. — № 4. — С. 133–152.
11. *Авдеев, А.Г.* Памятники книжности XVII в. из Галичского уезда. «Сказание о явлении образа Божией Матери Казанской в волости Бушнево» / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. — Вып. 3 (24). — 2007. — С. 7–41.
12. *Авдеев, А.Г.* О подготовке свода древнерусских лапидарных надписей / А.Г. Авдеев // Отечественная история. — 2011. — № 1. — С. 221–222 (Web of Science).
13. *Авдеев, А.Г.* Надгробие архиепископа Ростовского и Ярославского Тихона / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2011. — № 4 (41). — С. 99–104.
14. *Авдеев, А.Г.* Новые эпиграфические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2012. — Вып. 1 (44). — С. 121–132.
15. *Авдеев, А.Г.* Наименование белокаменных и валунных надгробий в письменных памятниках Московской Руси / А. Г. Авдеев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Журнал теоретических и прикладных исследований. — 2013. — № 25. — С. 253–265.
16. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфика и древнерусское градостроительство: надгробия конца XV–XVI в. и градостроительная структура Кашина / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2014. — Вып. 1 (56). — С. 147–167.
17. *Авдеев, А.Г.* Боярин А.С. Шеин: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики / А.Г. Авдеев // Отечественная история. 2015. № 5. С. 64–77 (Web of Science).
18. *Авдеев, А.Г.* К десятилетию сборника «Вопросы эпиграфики» / А.Г. Авдеев // Отечественная история. — 2016. — № 6. — С. 164–167 (Web of Science).
19. *Авдеев, А.Г.* Идеальная стихотворная эпитафия для идеального архиерея: из века XVII в век XVIII / А.Г. Авдеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. — 2017. — Вып. II (74). С. 40–61.
20. *Авдеев, А.Г.* / Камни-следовики в Древней Руси / А.Г. Авдеев // Традиционная культура. Научный альманах. — 2017. — Вып. 1 (65). — С. 7–22.

Монографии:

21. *Авдеев, А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии / А.Г. Авдеев. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. — 363 с., ил.

22. *Авдеев, А.Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII-XVIII веков из частных собраний / А.Г. Авдеев, А.К. Станюкович. — М.: Группа «ИскателИ», 2007. — 190 с.: ил.
23. *Авдеев, А.Г.* Житие преподобного Паисия Галичского: исследования и тексты / А.Г. Авдеев. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. — 464 с., ил.
24. *Авдеев, А.Г.* Валунные надгробия Верхневолжья (конец XV — вторая треть XVIII в.): вопросы генезиса, бытования и источниковедения) / А.Г. Авдеев. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 400 с., ил.

*Публикации по теме диссертации
в зарубежных изданиях:*

25. *Авдеев, А.Г.* Валунное надгробие иеромонаха Зосимы Феррапонтовского / А.Г. Авдеев // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. Т. 2: *Роміоїс*: сборник статей к 69-летию С.Б. Сорочана. — Харьков: Майдан, 2013. — С. 413–417.
26. *Авдеев, А.Г.* Русская стихотворная эпитафия последней четверти XVII — начала XVIII в. как феномен культуры восточнославянского барокко / А.Г. Авдеев // *Антропология литературы: методологические аспекты проблемы. Сборник научных статей: в 3 ч. Ч. 3.* — Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2013. — С. 14–22.
27. *Авдеев, А.Г.* Стихотворная эпитафия Черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба / А.Г. Авдеев // *W kręgu problemów antropologii literatury. W stronę antropologii niezwykłości: Studia pod red. W. Supy.* — Białystok: wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2013. — S. 19–30.
28. *Авдеев, А.Г.* «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов / А.Г. Авдеев, Г.Г. Донской // *Palaeoslavica*. — 2014. — Vol. XXII. — № 2. — С. 119–146.
29. *Авдеев, А.Г.* Надгробие как агиографический факт: чудеса у могилы Максима Грека / А.Г. Авдеев // *Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика.* — Т. 10. — София: Национален археологически институт с музей при БАН, 2014. — С. 307–314.
30. *Авдеев, А.Г.* Путь формулы «преставися раб Божий»: от поминальных граффити до эпитафий / А.Г. Авдеев // *Гістарычна-археалагічны зборнік.* — Вып. 30. — Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2015. — С. 47–52.
31. *Авдеев, А.Г.* Надписи былинного эпоса. Заметки эпиграфиста / А.Г. Авдеев // *Palaeoslavica*. — 2015. — Vol. XXIII. — № 1. — С. 72–97.
32. *Авдеев, А.Г.* Человек рубежа XVII–XVIII вв. в зеркале эпиграфики / А.Г. Авдеев // *Palaeoslavica*. — 2015. — Vol. XXIII. — № 2. — С. 165–196.
33. *Авдеев, А.Г.* Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси / А. Г. Авдеев // *Антропология времени. Сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 1 / гл. ред. Т.Е. Автюхович.* — Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2017. — С. 3–15.
34. *Авдеев А.Г.* Русская силлабическая эпитафия последней четверти XVII—начала второй четверти XVIII в. / А.Г. Авдеев // *Palaeoslavica*. — 2017. — Vol. XXV. № 1. — С. 55–177.

в отечественных изданиях:

35. *Авдеев, А.Г.* Заметки об амфорных клеймах из раскопок Феодосии / А.Г. Авдеев, Б.Г. Петерс // *Советская археология.* — 1987. — № 3. — С. 214–219.
36. *Авдеев, А.Г.* О датировке надписи ЛНХТ, 28 (= IosPE, I², 547) / А.Г. Авдеев // *Эпиграфический вестник.* — 1995. — № 1. — С. 3–6.

37. *Авдеев, А.Г.* О времени и причинах прекращения регулярного клеймения амфор в Геракле Понтийской / А.Г. Авдеев // Эпиграфический вестник. — 1995. — № 3. — С. 3–16.
38. *Авдеев, А.Г.* Два граффити на керамике из Москвы / А.Г. Авдеев, А.В. Бугров // Эпиграфический вестник. — 1995. — № 4. — С. 3–6.
39. *Авдеев, А.Г.* Несостоявшееся светопреставление / А.Г. Авдеев // Обозреватель-Observer: ежемесячный информационно-аналитический журнал. — 1999. — № 7. — С. 70–73.
40. *Авдеев, А.Г.* Отрывок из дозорной книги Галича 1620 г. / А.Г. Авдеев // Костромская земля: краеведческий альманах. Вып. 4. — Кострома: Костромской филиал Российского фонда культуры, 1999. — С. 79–97.
41. *Авдеев, А.Г.* / Заметки об эмблемах на синопских клеймах. 2. Об эмблемах на клеймах Плейстархида Апемантова / А.Г. Авдеев // Эпиграфический вестник. — 2000. — № 5. — С. 3–9.
42. *Авдеев, А.Г.* Ставрографические памятники XVI–XVIII вв. из Галичского уезда / А.Г. Авдеев // Ставрографический сборник. Вып. 1. — М.: изд-во Московской Патриархии, изд-во «Древлехранилище», 2001. — С. 262–270.
43. *Авдеев, А.Г.* Елеонский крест патриарха Никона / А.Г. Авдеев // Ставрографический сборник. Вып. 1 / сост и общ. ред. А.В. Святославский и А.А. Трошин, научн. ред. С.В. Гнутова. — М.: изд-во Московской Патриархии, изд-во «Древлехранилище», 2001. — С. 271–278.
44. *Авдеев А.Г.* Древнерусские эпитафии как исторический источник / А.Г. Авдеев // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2002. — № 8. — С. 69–74.
45. *Авдеев, А.Г.* Храмовые надписи XVI–XVII вв. Костромы и края / А. Г. Авдеев // Костромская земля: краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. — Кострома: Костромской филиал Российского фонда культуры, 2002. — С. 158–165.
46. *Авдеев, А.Г.* Стихотворная «летопись» Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря / А.Г. Авдеев // Культура памяти: сборник научных статей / сост. Э.А. Шулёпова, А.В. Святославский. — М.: «Древлехранилище», 2003. — С. 189–248.
47. *Авдеев, А.Г.* Ещё раз об истории Троицкой Варнавиной пустыни. / А.Г. Авдеев // Приглашение к истории: сборник статей. — М.: ПСТБИ, 2003. — С. 83–127.
48. *Авдеев, А.Г.* Несколько неизданных русских белокаменных надгробий XVI–XVII вв. / А.Г. Авдеев // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. — Звенигород: [Б. и], 2003. — С. 136–147.
49. *Авдеев, А.Г.* О смысле надписи над входом в Кувуклию в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря / А.Г. Авдеев // Человек и мир человека: сборник трудов Всероссийской научной конференции. Вып. 1. — Рубцовск: РИО, 2004. — С. 346–354.
50. *Авдеев, А.Г.* Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 1. Трактат преподобного Максима Грека «Сказание о венце Спасове...» и приписанный ему старообрядческий ставрографический трактат. 2. К истории становления ставрографии в России: начальный этап споров о «пилатовом титуле» / А.Г. Авдеев // Ставрографический сборник. Кн. III:

- Крест как личная святыня / сост., научн. ред. и вступит. статья С.В. Гнутовой. — М.: Изд-во Московской Патриархии; Древлехранилище, 2005. — С. 276–294.
51. *Авдеев, А.Г.* Ставрографические заметки. 1. Еще раз о Елеонском кресте патриарха Никона. 2. «Типовой» водружальный крест середины XVII века. 3. О смысле аббревиатуры «НІКІА» в одной надписи из Нового Иерусалима / А.Г. Авдеев // Ставрографический сборник. Кн. III: Крест как личная святыня / Сост., научн. ред. и вступит. статья С.В. Гнутовой. — М.: изд-во Московской Патриархии, изд-во «Древлехранилище», 2005. — С. 295–314.
52. *Авдеев, А.Г.* Строительная надпись конца XVII в. из Тулы / А.Г. Авдеев // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. II. — М.: Лето, 2005. — С. 199–203.
53. *Авдеев, А.Г.* Фермопильский «мемориал» / А.Г. Авдеев // Европа. Международный альманах. Вып. V. — Тюмень: Мандр и К°, 2005. — С. 5–14.
54. *Авдеев, А.Г.* Краткое житие патриарха Никона / А.Г. Авдеев // Человек и мир человека: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Вып. II. Ч. 1. — Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2005. — С. 286–294.
55. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфическое наследие Новоспасской усыпальницы дома Романовых / А.Г. Авдеев, Станюкович А.К. // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносивтов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. — Кострома: [Б. и.], 2005. — С. 115–137.
56. *Авдеев, А.Г.* Новоспасский помянник в списках XVIII–XIX вв. / А.Г. Авдеев // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносивтов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. — Кострома:, 2005. — С. 221–226.
57. *Авдеев, А.Г.* О надгробной плите митрополита Сарского и Подонского Павла / А.Г. Авдеев // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносивтов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. — Кострома: [Б. и.], 2005. — С. 282–285.
58. *Авдеев, А.Г.* К истории Новоспасского некрополя в XVII — начале XVIII в. / А.Г. Авдеев // Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре / Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносивтов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. — Кострома: [Б. и.], 2005. — С. 286–292.
59. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфические экскурсии по Москве и Подмосковию / А.Г. Авдеев // Культурное и природное наследие и его освоение в учебно-воспитательной работе. Сборник научно-методических статей. Вып. 1. Экскурсионное краеведение. — М.: МИОО, 2006. — С. 93–97.
60. *Авдеев, А.Г.* Титулатура Ивана III в латинской и русской надписях на Спасской башне Московского Кремля / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. I / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский фонд Содействия образованию и науке, 2006. — С. 26–25.
61. *Авдеев, А.Г.* Кладбище иноземцев в Марьиной Роще / А.Г. Авдеев, В.Ю. Пирогов // Вопросы эпиграфики. Вып. I / под ред. А.Г. Авдеева. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2006. С. 36–59.

62. *Авдеев, А.Г.* К вопросу о надгробии преподобного Андрея Рублева / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. I / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2006. — С. 160–185.
63. *Авдеев, А.Г.* К вопросу об иерусалимской символике древнерусских погребальных памятников / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики / под ред. А.Г. Авдеева. Вып. I. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2006. — С. 202–215.
64. *Авдеев, А. Г.* Кто и когда назвал Воскресенский монастырь Новым Иерусалимом / А.Г. Авдеев // Никоновский сборник: сборник, посвященный 400-летию со дня рождения и 325-летию со дня преставления Никона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси / отв. ред. и сост. А.Г. Авдеев. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. — С. 89–98.
65. *Авдеев, А.Г.* Первая эпитафия патриарху Никону архимандрита Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Германа / А.Г. Авдеев // Человек и мир человека. Сборник статей Всероссийской научной конференции 26 июня 2006 года. Вып. III. Ч. I. — Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2006. — С. 197–208.
66. *Авдеев, А. Г.* К вопросу о роли эпиграфического «проскинитария» в создании иконотопоса Нового Иерусалима / А. Г. Авдеев // Икона и образ, иконичность и словесность. Сборник статей / ред.-сост. В.В. Лепяхин. — М.: Паломник, 2007. — С. 179–197.
67. *Авдеев, А.Г.* Барочные и агиографические черты в первой эпитафии Патриарху Никону архимандрита Германа / А.Г. Авдеев // Человек в культуре русского барокко. Сборник статей по материалам международной конференции. — М.: Ин-т философии РАН, 2007. — С. 299–317.
68. *Авдеев, А.Г.* Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 3. К вопросу о происхождении и развитии буквенных акронимов на Голгофских крестах в Древней Руси / А.Г. Авдеев // Человек в пространстве и времени культуры. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». — Барнаул; Рубцовск: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2008. — С. 309–344.
69. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфические памятники конца XV–XVI в. Возмицкого монастыря «Пречистой Богородицы честнаго Ея Рождества и святаго преподобнаго отца нашего Кирила Чюдотворца» / А.Г. Авдеев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 5-летию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. — М.: Северный паломник, 2008. — С. 329–336.
70. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфический памятник в археологическом и историко-культурном контексте: Граффити на пряслице из села Грайворонова / А.Г. Авдеев, С.З. Чернов // Вопросы эпиграфики. Вып. II / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. — С. 162–177.
71. *Авдеев, А.Г.* Утраченная надпись 1530 г. о строительстве кремля в Коломне: Опыт реконструкции содержания / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып.

- II / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. — С. 178–189.
72. *Авдеев, А.Г.* Шейная печать-матрица из раскопок Можайска / А.Г. Авдеев, М.Ю. Меншиков, Б.Е. Янишевский // Вопросы эпиграфики. Вып. II / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. — С. 190–195.
73. *Авдеев, А.Г.* Неопубликованное надгробие из Ново-Иерусалимского монастыря / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. II / под ред. А.Г. Авдеева. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2008. — С. 218–219.
74. *Авдеев, А.Г.* Стихотворный элогий Кариона Истомина, посвященный великой княгине святой Евдокии, в иночестве Ефросинии / А.Г. Авдеев // Вестник церковной истории. — 2008. — № 4 (12). — С. 131–134.
75. *Авдеев, А.Г.* Ещё раз о кресте преподобного Савватия Соловецкого / А.Г. Авдеев // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 8. — Архангельск; М.: Т-во Северного Мореходства, 2009. — С. 58–62.
76. *Авдеев, А.Г.* Читал ли Иоанн Шушерин Полидора Вергилия в подлиннике? Заметки на полях новоизданного списка / А.Г. Авдеев // Пространственно-временные перекрёстки культуры. Сборник статей и материалов всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». — Барнаул; Рубцовск: изд-во Алтайского гос. университета, 2009. — С. 229–232.
77. *Авдеев, А.Г.* Древнерусские святцы по лапидарным надгробным надписям конца XV — начала XVIII века / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. III / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — С. 322–415.
78. *Авдеев, А.Г.* Стихотворные подписи Кариона Истомина к триумфальным вратам 1704 года в Москве / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. III / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. — С. 432–441.
79. *Авдеев, А.Г.* Крест преподобного Савватия Соловецкого: ответ оппонентам / А.Г. Авдеев // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Вып. 9. — Архангельск; М.: Т-во Северного Мореходства, 2010. — С. 51–60.
80. *Авдеев, А.Г.* Памятники книжности XVII века из Галичского уезда: Житие преподобного Иакова Железоборовского / А.Г. Авдеев // Вестник церковной истории. — 2010. — № 3–4 (19–20). — С. 118–130.
81. *Авдеев, А.Г.* Валунные надгробия XVI–XVII вв. из Ярославской и Костромской областей / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. IV / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — С. 304–347.
82. *Авдеев, А.Г.* Храмовая надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области / А.Г. Авдеев, А.В. Яганов // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7. — М.: Институт археологии РАН, 2011. — С. 271–277.
83. *Авдеев, А.Г.* / А.Г. Авдеев / Подписи к книге Песни песней Соломона на фресках храма Воскресения Господня в Романове-Борисоглебске // Кириллица от возникновения до наших дней. — СПб.: Алетейя, 2011. — С. 155–163.

84. *Авдеев, А.Г.* Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII — начале XVIII в. / А.Г. Авдеев // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. Вып. III. — М.: Лето, 2011. — С. 70–84, 378–379.
85. *Авдеев, А.Г.* Стихотворные подписи к книге Песнь песней Соломона на фресках XVII–XVIII вв. в Романове-Борисоглебске и Костроме / А.Г. Авдеев, Д.А. Чернов // Вопросы эпиграфики. Вып. V / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — С. 370–403.
86. *Авдеев, А.Г.* Список стихотворных эпитафий с костромских кладбищ / А. Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. V / отв. ред. А. Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. — С. 404–432.
87. *Авдеев, А.Г.* Древнерусские надгробия / А. Г. Авдеев // Журнал Московской Патриархии. — 2012. — № 8. — С. 84–91.
88. *Авдеев, А.Г.* Стихотворная эпитафия черниговского полковника Якова Кондратьевича Лизогуба / А.Г. Авдеев // «Отголосок прошедшего в будущем»: сборник научных статей преподавателей и аспирантов Исторического факультета. — М.: изд-во ПСТГУ, 2012. — С. 80–92.
89. *Авдеев, А.Г.* Русская стихотворная эпитафия последней четверти XVII — начала XVIII в. как фактор культуры восточнославянского барокко/ А.Г. Авдеев // Истоки и традиции славянской письменности и культуры: материалы областной научно-практической конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры (МГОГИ, 23 мая 2012). — Орехово-Зуево: Редакционно-издательский совет МГОГИ, 2012. — С. 70–101.
90. *Авдеев, А.Г.* О смысле надписи над входом в Кувуклию в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря / А.Г. Авдеев // Икона в русской словесности и культуре: сборник статей / сост. В.В. Лепяхин. — М.: Паломник, 2012. — С. 375–390.
91. *Авдеев, А.Г.* Две заметки по истории Иоанно-Предтеченского Железоборовского монастыря (Буйский район Костромской области) / А.Г. Авдеев // Русский мир в мировом контексте. Сборник статей и материалов всероссийской заочной научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». — Рубцовск: ИП Пермяков, 2012. — С. 76–101.
92. *Авдеев, А.Г.* Об одном валунном надгробии из города Кашина / А.Г. Авдеев, В.В. Хухарев // Русский мир в мировом контексте. Сборник статей и материалов всероссийской заочной научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». — Рубцовск: ИП Пермяков, 2012. — С. 102–107.
93. *Авдеев, А.Г.* К истории старорусской эпитафии: надгробие князя Фёдора Ивановича Троекурова / А.Г. Авдеев // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения И.А. Тихомирова: Материалы научной конференции. Ярославль, 21–22 октября 2011 года. — Ярославль: Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2012. — С. 209–222.
94. *Авдеев, А.Г.* Реконструкция греческой строительной надписи 1634/35 г. из Москвы/ А.Г. Авдеев, А.Ю. Виноградов // Вопросы эпиграфики. Вып. VI / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — С. 43–49.

95. *Авдеев, А.Г.* Античные керамические клейма и их изучение в Российской империи и СССР / А.Г. Авдеев, Н.В. Ефремов // Вопросы эпиграфики. Вып. VI / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — С. 537–579.
96. *Авдеев, А. Г.* Некоторые проблемы изучения русской стихотворной эпитафии последней четверти XVII — начала XVIII в. / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2: материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики» / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. — С. 206–230.
97. *Авдеев, А.Г.* Чудо на могиле князя Даниила Московского: от агиографии к устному преданию / А.Г. Авдеев // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. — 2014. — № 1 (81). — С. 2–6.
98. *Авдеев, А.Г.* Об одной былинной параллели к граффито из Ростиславля / А.Г. Авдеев // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. — М.: Институт археологии РАН, 2014. — С. 177–178.
99. *Авдеев, А.Г.* Мост погибшего философа как рубеж старорусской эпиграфики / А.Г. Авдеев, Д.В. Вальков // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / *Aristeas. Philologia classica et historia antiqua.* — Т. IX. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. — С. 344–358.
100. *Авдеев, А.Г.* Редкий памятник древнерусской покаянной литературы / А.Г. Авдеев, Г.Г. Донской // Культура, история и литература русского мира: общенациональный и региональный аспекты. Сборник статей и материалов всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». — Барнаул: изд-во Барнаульского гос. технического университета, 2014. — С. 123–143.
101. *Авдеев, А.Г.* К вопросу об обстоятельствах появления старорусских подписных надгробий / А.Г. Авдеев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию открытия для поклонения святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого и 10-летию кончины митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Вып. III. — М.: Лето, 2015. — С. 381–394.
102. *Авдеев, А.Г.* Надгробие как агиографический факт: чудеса у могилы преподобного Максима Грека / А.Г. Авдеев // Мир Православия. Вып 9 / сост. Н.Д. Барабанов, О.А. Горбань. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2105. — С. 244–255.
103. *Авдеев, А.Г.* Надписи былинного эпоса. Камни на распутьях дорог. Заметки эпиграфиста / А.Г. Авдеев // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. — 2015. — № 5 (87). — С. 35–38.
104. *Авдеев, А.Г.* Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом / А.Г. Авдеев, А.Е. Леонтьев // Вопросы эпиграфики. Вып. VIII / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. — С. 285–306.
105. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфические памятники Москвы XVI–XVIII вв. / А.Г. Авдеев, Г.Г. Донской // Вопросы эпиграфики. Вып. VIII / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. — С. 330–366.
106. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфические заметки. 1. Уникальное надгробие из Ярославской области. 2. Об авторе стихотворных подписей к фрескам на

- тему Песни песней в храме Воскресения Господня в Романове-Борисоглебске. 3. Надгробие 1751 г. со стихотворной эпитафией из церкви Живоначальной Троицы в Кожевниках (Москва) / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. VIII / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. — С. 398–415.
107. *Авдеев, А.Г.* Эпитафия Симеону Полоцкому в контексте полемики «грекофилов» и «латинствующих» / А.Г. Авдеев // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. — 2015. № 1 (2): Византия и Русь. — С. 108–143.
108. *Авдеев, А.Г.* Изготовление, продажа и покупка белокаменных надгробий / А.Г. Авдеев // Путь белого камня: материалы научной конференции. / ред. И.В. Конышев, Б.В. Власов, Е.Н. Наседкин [и др.]. — М.: ГИМЗ «Горки Ленинские», 2015. — С. 147–163.
109. *Авдеев, А.Г.* «Игры» с личными именами в памятниках русской эпиграфики второй половины XVII — начала третьей четверти XVIII в. / А.Г. Авдеев // Русский мир в пространственно-временном контексте: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1: Культура Русского мира: переходный период / научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. — Барнаул: изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. — С. 172–198.
110. *Авдеев, А.Г.* Об источнике одной из надписей эпиграфического «проскинитария» по Ново-Иерусалимскому монастырю / А.Г. Авдеев // Русский мир в пространственно-временном контексте: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1: Культура Русского мира: переходный период / научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. — Барнаул: изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. — С. 200–204.
111. *Авдеев, А.Г.* Damnatio memoriae в русской эпиграфике? / А.Г. Авдеев // Русский мир в пространственно-временном контексте: сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Ч. 1: Культура Русского мира: переходный период / научн. ред. и сост. С.К. Севастьянова, Г.М. Зеленская. — Барнаул: изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. — С. 82–89.
112. *Авдеев, А.Г.* Как русский иеромонах эпитафии иерусалимских королей переводил. К вопросу о переводческой культуре в Московской Руси / А.Г. Авдеев // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории / Aristetas. Philologia classica et historia antiqua. Т. XIII. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 247–258.
113. *Авдеев, А.Г.* Восприятие древнеегипетской иероглифики в эпоху московского барокко / А.Г. Авдеев // Aegyptiaca Rossica: сборник статей. Вып. 4 / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — С. 15–25.
114. *Авдеев, А.Г.* К вопросу об изображениях Голгофского креста в строительной эпиграфике Московской Руси / А.Г. Авдеев // Средневековая письменность и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение: сборник материалов международной научно-практической конференции, 7–8 декабря 2015 г., Александров. Т. 1. — Владимир: Транзит-ИКС, 2016. — С. 9–24.
115. *Авдеев, А.Г.* Надгробия «тверского» типа: вопросы хронологии, типологии и символики / А.Г. Авдеев // Вопросы эпиграфики. Вып. IX / отв.

- ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — С. 474–520.
116. *Авдеев, А.Г.* Случаи «исправления» надписей в монастырской эпиграфике XVII в. / А.Г. Авдеев // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: материалы научной конференции / отв. ред. А.В. Юрасов. — М.; Вологда: Древности Севера, 2016. — С. 504–511.
117. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфика / А.Г. Авдеев // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аквилон, 2016. — С. 508–509.
118. *Авдеев, А.Г.* Латинские надписи Москвы конца XVII века / А.Г. Авдеев, Д.В. Вальков // Вопросы эпиграфики. Вып. IX / отв. ред. А.Г. Авдеев. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — С. 381–421.
119. *Авдеев, А.Г.* К вопросу об эпиграфических источниках датировки собора Бориса и Глеба Борисоглебского Дмитровского монастыря / А.В. Яганов, А.Г. Авдеев // Археология Подмосковья Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. — С. 265–273.
120. *Авдеев, А.Г.* Надгробие верижника Спасо-Ярославского монастыря Савватия / А.Г. Авдеев // XV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы научной конференции, 15–16 октября 2015 года / Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. — Ярославль, 2016. С. 282–292.
121. *Авдеев, А.Г.* Эпиграфический комментарий к «Полтаве» А. С. Пушкина / А.Г. Авдеев // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. — 2017. — № 1 (5): Императорская Россия. — С. 189–201.
122. *Авдеев, А.Г.* Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси / А.Г. Авдеев // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. IV: Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию преставления преподобного Иосифа Волоцкого. — М.: Добрая мысль, 2017. — С. 225–235.
123. *Авдеев, А.Г.* О надписи на кресте Стефана Бородатого / А.Г. Авдеев // Прикосновение к вечности. Сборник статей / научн. ред. Г.Е. Захаров, свящ. А. Постернак. — М.: изд-во ПСТГУ, 2017. — С. 162–169.
124. *Авдеев, А.Г.* Календарь старорусских надписей / А.Г. Авдеев // Ползуновский альманах. — 2017. — № 4. Т. 1. Вып. 1. — С. 177–189.
125. *Авдеев, А.Г.* Надгробия и житийная топография: к ранней истории подмосковного села Елохова / А.Г. Авдеев // Ползуновский альманах. — 2017. — № 4. Т. 1. Вып. 1. — С. 193–197.
126. *Авдеев, А. Г.* Александр Великий? Периандр? Кипселл? К вопросу о рецепции античного наследия в Древней Руси / А.Г. Авдеев // ПЕНТЕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвящённый юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О. Л. Габелко и др. — СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 471–477.

Электронные ресурсы:

Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей. URL: // <https://cir.rssda.su/>.